

главъ своего войска сатировъ и вакханокъ всю переднюю Азію. Ср. Dionysiac Нонна.

Ст. 50 сл. Это—рудиментарный мотивъ. Такъ изобразилъ дѣло Эсхиль въ своихъ „Чесальщикахъ“ (выше стр. 202); мы заключаемъ это изъ ст. 24 сл. его „Евменидъ“. У Еврипида Пенеей тоже (ниже ст. 780 сл.) мечтаетъ объ этомъ походѣ, но до него дѣло не доходитъ.

Ст. 55 сл. Это—лидійскія вакханки, хоръ трагедіи. Ихъ присутствіе передъ дворцомъ Пенея чувствуется, какъ нѣчто неорганическое и чисто условное; когда Пенеей (ниже ст. 511 сл.) на нихъ обращаетъ вниманіе, угрожая имъ рабствомъ, то—въ виду удобоисполнимости и все же неисполненія этой угрозы—условность этимъ не устраивается, а только подчеркивается. Здѣсь сказывается связанность поэта единствомъ мѣста: если онъ хотѣлъ вывести хоръ вакханокъ, то у него другого средства не было. Эсхиль въ силу своего трилогического принципа этимъ единствомъ связанъ не былъ: перенося дѣйствіе изъ царской столицы на Пангей или Киөронъ, онъ могъ образовать хоръ тамъ—изъ подданныхъ царя („Эдонійцы“, „Пенеей“), здѣсь—изъ вакханокъ („Бассариды“, „Чесальщицы“).

Ст. 64—167. Пародъ воспроизводить, насколько это было возможно на сценѣ, священное дѣйствіе діонисическихъ таинствъ. Струфа I содержитъ общее вступленіе: хоръ объясняетъ, откуда и ради чего онъ явился. Антистрофа I и вторая пара строфъ даютъ эсоптерическую часть; передъ ней, по обычаю, удаляются непосвященные, а посвященнымъ приказывается соблюдать „благорѣчіе“ (антистр. I). Затѣмъ слѣдуетъ 1) сообщеніе святыхъ истинъ, лежащихъ въ основѣ культа (стр. II); здѣсь подъ „оргіями матери Кибелы“ разумѣется игра на тимпанахъ, о которыхъ сравни антистр. III, и 2) сообщеніе святого миѳа—миѳа о рождениі Діониса.—Далѣе идетъ, до конца парода, эсоптерическая часть, содержащая призывъ єиванцевъ дать себя посвятить въ таинства Діониса—специально мужской части населенія, такъ какъ женская уже служитъ новому богу на Киөронѣ. Описываются символы культа (стр. III) и затѣмъ специально тимпаны (ант. III). Такъ какъ послѣдніе встрѣчались также и въ культе фригійской Великой Матери боговъ, то предполагается, что они оттуда и заимствованы; а такъ какъ эта Матерь отождествлялась съ критской Реей, матерью Зевса, то поэтъ представлялъ себѣ исторію тимпановъ слѣдующимъ образомъ. Когда Рея родила, послѣднимъ, Зевса, она пожелала скрыть младенца отъ своего мужа Кроноса, который уже поглотилъ своихъ и ея старшихъ дѣтей. Для этого она отнесла его въ Диктейскую пещеру на Критѣ и приставила къ нему своихъ слугъ, куретовъ, чтобы они шумной игрой заглушали крикъ младенца; съ этой цѣлью и былъ ими изобрѣтенъ тимпанъ. Когда Зевсъ выросъ, тимпанъ былъ за ненадобностью оставленъ въ пустомъ гротѣ; тамъ его нашли корибанты, слуги Великой Матери, и пріобщили къ священнодѣйствіямъ своей богини. А у нихъ его опять выпро-

сили слуги Діониса, сатиры, черезъ которыхъ онъ дostaлся вакханкамъ. Все это, конечно, догадка—вѣроятно, самого поэта.—Въ заключеніе эподъ даетъ общую картину вакхической тритериды.—Стоить обратить вниманіе, какъ часто здѣсь повторяется имя Діониса, особенно въ концѣ строфы.

Ст. 171. Кадмъ былъ сыномъ сидонскаго царя Агенора. Отецъ отправилъ его искать его похищенную Зевсомъ сестру Европу, запретивъ возвращаться безъ нея. Европы онъ, разумѣется, не нашелъ; рѣшивъ остаться въ Греціи, онъ основалъ Фивы.

Ст. 193. Стихъ буквально заимствованъ Евріпидомъ изъ „Фтіотокъ“ Софокла (см. Софокль III 278). По античнымъ понятіямъ, это не плагіатъ, а дань уваженія.

Ст. 200—03. Знаменитые стихи. Очень правдоподобна догадка, что въ ст. 202 Евріпидъ намекаетъ на пресловутое атеистическое сочиненіе софиста Протагора п. загл. „Низвергающія рѣчи“ (*Kataballontes logoi*).

Ст. 266—327. Апологія Діониса. Что ея порядокъ въ рукописяхъ перепутанъ, въ этомъ, кажется, всѣ издатели согласны; подвергши ее (въ Филологическомъ Обозрѣніи 1894) всесторонней разработкѣ, я здѣсь даю ее въ возстановленномъ мною видѣ. Для этого, правда, мнѣ пришлось перевести ее всю заново.—Состоитъ она изъ слѣдующихъ частей:

- 1) Вступление: складность рѣчи похвальна въ похвальномъ дѣлѣ и вредна въ предосудительномъ (ст. 267 читаю *σὺ μεγάρτον* вмѣсто *σὺ μέγις ἕργον*; порча эта ранняя, такъ какъ ее читалъ уже Плутархъ Алекс. 53).
- 2) Положительная часть: Діонисъ сравнялся съ двумя величайшими божественными началами, олицетворенными въ Деметрѣ (Евріпидъ здѣсь принимаетъ орфическое отождествленіе Деметры съ Землей) и Аполлономъ. Съ Деметрой тѣмъ, что даль людямъ въ винѣ а) влажную пищу (какъ Деметра въ хлѣбѣ—сухую), б) сноторное средство (какъ Деметра—макъ) и въ видѣ возліяній средство общенія съ другими богами (какъ Деметра въ преджертвенныхъ *olai*, т.-е. полбѣ). Съ Аполлономъ (напечатанные курсивомъ стихи дополнены мною) а) даромъ флейты въ противовѣсь киеварѣ, б) пророческимъ даромъ (о которомъ ср. „Гекуба“ ст. 1267 и комм.), въ военной силой—„паникой“ (т. е. собственно нагоняемымъ Паномъ страхомъ, о которомъ въ Аѳинахъ заговорили послѣ мараѳонской битвы; Панъ тоже, подобно сатирамъ, вступилъ въ свиту Діониса), г) предстоящимъ общимъ владѣніемъ Парнасской горой.—3) Отрицательная часть: опроверженіе указанія Пенея а) на якобы безнравственный характеръ Діонисовыхъ таинствъ, б) на смѣхотворность миѳа о томъ, что Діонисъ былъ зашить въ бедрѣ Зевса. Любопытно послѣднее опроверженіе: этотъ миѳъ, который вакханки принимаютъ въ буквальномъ смыслѣ (ст. 96 сл. и 523 сл.), Тиресій tolkueytъ иносказательно, играя тождественностью словъ *ἐ μῆρος* (бедро) и *ὑμῆρος* (заложникъ). Игру эту передать по-русски невозможно; И. Ф. даже оставилъ греческія слова:

Изъ Греціи съ годами въ греческіхъ
Въ устахъ народа вышло.

Это не рационализмъ — Тиресій не устраиваетъ чуда, а замѣняетъ его другимъ,—а аполлоновское благорѣчивое толкованіе въ родѣ тѣхъ, которыхъ мы находимъ у Пиндара.—4) Заключеніе.

Ст. 337 сл. Здѣсь древнѣйшая форма миѳа обѣ Актеонѣ. Намъ болѣе известенъ игривый александрийскій вариантъ, согласно которому Артемида обрекла его смерти за то, что онъ случайно увидѣлъ ее въ купели нагой.

Ст. 364 сл. Эти грустныя слова не соответствуютъ радостному подъему въ ст. 189 сл.; какъ видно, атмосфера чуда развѣяна вторженіемъ безвѣрія въ лицѣ Пенея: передъ нами два обыкновенныхъ старика.

Ст. 367. Въ подлинникѣ опять игра словъ—этотъ разъ трагическая: *Pentheus* и *penthos* (скорбь). Ср. Софокль, „Лянтъ“ ст. 430 и мой комм. къ этому стиху.

Ст. 370—371. Первый стасисъ. Стrophа I обращена къ Правдѣ (точнѣе: Госи, 'Osia, т.-е. той же Правдѣ, поскольку она вѣдаетъ отношенія между людьми и богами): Пенеей оскорбилъ Діониса, но не владыку оргіазма—его онъ не зналъ,—а того, сущность которого ему раскрыла Тиресій, благосклоннаго друга человѣчества, принесшаго ему даръ вина. Отсюда переходъ къ антистрофѣ I: „конецъ такому начинанію—несчастье“. Здѣсь Евріпидъ говорить про себя, грустно оглядываясь на стремленія своей жизни. Онъ имѣеть въ виду двойную награду вѣры: виѣшию, которой требуетъ народъ (благополучіе въ жизни), и внутреннюю, которая была бы дорога ему—спокойную отъ волненій душу. Къ чему гоняться за недостижимымъ, жертвуя Діонисовымъ счастьемъ—минутными радостями жизни?—Отсюда переходъ къ строфѣ II: мечта о тѣхъ странахъ, где люди умываютъ наслаждаться жизнью: Кипръ (въ тѣскомъ смыслѣ), Пафосъ и особенно—македонской Піері, которая теперь была пріютомъ поэта. Тоска по этой счастливой странѣ высказана отчасти отъ имени поэта, отчасти отъ имени вакханокъ; синтезъ даетъ антистрофа II: богъ вакханокъ и есть тотъ богъ, котораго жаждетъ утомленная душа поэта—другъ благодатной Ирины, богини мира. И притомъ всякой миры: и международнаго („кормилица молодежи“, которую губить Аресъ), и соціальнаго (Діонисъ одинаково одарилъ и богача и бѣдняка; ср. введеніе стр. 203), и, наконецъ, внутренняго въ душѣ человѣка.

Итакъ, вотъ дилемма. Пенеей—это стремленіе впередъ, неудовлетворенность; это—душа, задавшаяся слишкомъ высокой цѣлью, ради которой она пренебрегаетъ минутными радостями жизни; душа, обуреваемая сомнѣніями, томимая неустанный работой мысли, не знающей предѣловъ себѣ. Діонисъ—это уравновѣщенность, блаженное пребываніе въ указанныхъ природой предѣлахъ; это—душа, берущая у жизни съ благодарностью все, что она даетъ, находящая удовлетвореніе и счастье въ тѣскомъ, но уютномъ кругу народныхъ вѣрованій и обрядовъ.

А что такое Еврипидъ? Это—Пенеей, но Пенеей, познавший себя и тоскующий по недоступномъ ему Діонису.

Ст. 443—48. О побѣгѣ этой части єиванскихъ вакханокъ см. выше стр. 199.

Ст. 508. Такая же трагическая игра словъ, какъ и выше ст. 367.

Ст. 511. Объ этомъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ Пенеей обращаетъ вниманіе на вакханокъ хора, см. выше къ ст. 55 сл.

Ст. 519—575. Второй стасимъ. Трагическая грусть бога, снисходящаго своей милостью къ людямъ и отвергнутаго ими, нашла себѣ откликъ въ строфѣ. Пропуска передъ ст. 519 я не признаю (его нечѣмъ заполнить), скорѣе мнѣ кажется подложнымъ первый стихъ антистрофы, портящій ея начало.—Дирцея, єиванскій ручей, здѣсь символъ самихъ јивъ; разъ Діонисъ родился въ јивахъ, то ясно, что онъ былъ омытъ водою Дирцеи. Она—дочь Ахелоя, поскольку эта рѣка была миѳическимъ отцомъ всѣхъ греческихъ потоковъ. Темное слово *Dithyrambos* Еврипидъ, повидимому, объяснялъ (неправильно) *Di—thug—am* (=ана)—*bas*, т.-е. „взошедшій черезъ дверь Зевса“.—Въ антистрофѣ хоръ переходитъ къ Пенею. Его сходство съ гигантами состоять исключительно въ его богоборствѣ (такъ, у Аристофана Обл. 853 Сократъ съ его учениками за то же качество такъ названъ), а ничуть не во вѣнчанемъ видѣ. Эподъ опять, какъ и вторая строфа первого стасима, внушенъ желаніемъ почтить радушнаго хозяина Еврипida, Архелая македонскаго. Ради него онъ и чудеса Орфея, заимствованныя изъ „Бассаридъ“ Эсхила (выше стр. 197), перенесъ съ ѿракийскаго Пангея на македонскій Олимпъ.—Аксій (и. Вардаръ)—главная македонская рѣка; Лидій (и. Могленица)—его притокъ; на немъ царская столица Пелла.

Ст. 616—641. Чудеса Діониса. Ихъ по обычному тексту четыре: 1) Пенеей принимаетъ быка за Діониса и пытается вязать его (это—для того, чтобы дать Пенею возможность провиниться передъ Діонисомъ, не заставляя бога претерпѣть унижение); 2) землетрясеніе и призрачный пожаръ (чтобы дать Діонису возможность освободиться: землетрясеніе разверзаетъ двери, пожаръ отвлекаетъ вниманіе Пенея); 3) Діонисъ создаетъ призракъ, съ которымъ Пенеей вступаетъ въ бой; 4) Діонисъ разрушаетъ — очевидно, путемъ новаго землетрясенія—дворецъ Пенея.—Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что 1) послѣ первой пары вторая безцѣльна, 2) что вторая параллельна первой, 3) что, какъ видно изъ предыдущей сцены ст. 576—603, серія чудесъ завершалась призрачнымъ пожаромъ, 4) что четвертое чудо не согласуется съ дальнѣйшимъ—дворецъ Пенея стоитъ неразрушеннымъ на мѣстѣ, въ него входить и изъ него выходятъ, 5) равнымъ образомъ и третье чудо не согласуется со ст. 648: Пенеей спрашиваетъ „какъ ты ушелъ, освободившись отъ узъ?“—значить, онъ имѣть въ виду только первое чудо; послѣ третьаго онъ долженъ быть бы спросить: „какимъ образомъ ты живъ, когда я тебя закололъ?“.—Отсюда слѣдуетъ, что вторая пара—не болѣе какъ вариантъ

первой; я и помѣстилъ ее поэтому подъ текстомъ. Все же это вариантъ древній, быть можетъ, самого Еврипода; его читалъ уже Гораций (Оды II 19, 14).

Ст. 652 восполнено мною по догадкѣ.

Ст. 717. Предполагается, что этотъ „бывалый человѣкъ“ услышалъ о приказѣ Пенея, данномъ въ ст. 229. Хронологію согласовать можно.

Ст. 756 сл. Пробѣль дополненъ мною по догадкѣ, на которую меня навели Соф. Ант. 264 сл.: проба тяжести сопоставляется съ пробой огня. Земля ласкова къ вакханкамъ и освобождаетъ ихъ отъ своей тяги. Еще шагъ дальше въ этомъ направленіи—и мы получимъ летаніе средневѣковыхъ вѣдьмъ (извращеніе и опошленіе того же діонисического оргіазма), подготовленное уже и въ древности пареніемъ гиперборейцевъ, пиѳагорейцевъ и т. под.

Ст. 792. Рассказъ пастуха нанесъ еще одно пораженіе уму Пенея. До него онъ предполагалъ снова заключить въ тюрьму мнимаго волхва (ст. 653 сл.); теперь онъ радъ оставить ему свободу, лишь бы освободиться отъ него.

Ст. 795. Въ подлинникѣ то же выраженіе (*πρὸς κέντρα λακτίσου*), какъ и въ аналогичномъ мѣстѣ Дѣяній Апостоловъ (IX 5), чѣмъ и оправданъ русскій переводъ.

Ст. 837 сл. Тутъ смыслъ требуетъ такой перестановки: 837, 842, 838, чѣмъ заодно спасается и стихомиѳія. Получающійся между 842 и 838 пробѣль восполненъ мною по смыслу.

Ст. 862—911. Третій стасимъ, уже не грустный, а торжествующій. Со строками вѣтъ идилическимъ счастьемъ въ поэтическомъ сравненіи освобожденной вакханки со спасшейся отъ облавы ланью—и вдругъ рѣзкій крикъ злобнаго торжества надъ врагомъ въ притѣвѣ 877 сл.=897 сл. съ варварскимъ толкованіемъ гуманной греческой пословицы: „что прекрасно, то мило всегда“ (на эту тему, согласно Феогниду ст. 17, пѣли Музы на свадьбѣ Кадма и Гармоніи).—Въ антистрофѣ старая мысль „медленно мельницы мелютъ боговъ, но старательно мелютъ“ развивается какъ подкрѣпленіе вѣры въ божій промыселъ; а такъ какъ тутъ Евріпидъ затрагиваетъ болѣное мѣсто своей души, то въ эподѣ онъ опять говоритъ отъ себя, прославляя душевный миръ какъ единственное прочное благо.

Ст. 1036. Пробѣль восполненъ по смыслу.

Ст. 1058. Пенея не видѣть вакханокъ, которыхъ видѣть, однако, его слуга,—въ силу той же вакхической пораженности его глазъ, о которой свидѣтельствовали ст. 918 сл. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ слѣдующаго, сладострастная картина продолжаетъ витать передъ нимъ.

Ст. 1169 сл. Какъ разсказываетъ Платархъ (Красъ гл. 33), заѣзжая греческая труппа какъ разъ исполняла „Вакханокъ“ въ придворномъ театрѣ парѳийскаго царя, когда явился гонецъ изъ Карре съ вѣстью о побѣдѣ надъ римлянами и съ головой римскаго полководца Красса.

III. ВАКХАНКИ.

Тогда исполнявший роль Агавы актеръ наткнулся на тирсъ и съ ней стала петь наши стихи:

Несемъ съ Киёвона
Уловъ свой счастливый,
Трофей этотъ свѣжий—
Кисть плюща къ чертогамъ...

Ст. 1297 сл. Здѣсь связь мыслей требуетъ такой перестановки: 1297, 1301—29, 1298—1300, при чмъ пробѣль между 1329 и 1298 восполненъ по смыслу. Дальше слѣдовалъ плачъ Агавы, о которомъ мы имѣемъ нѣкоторое представлѣніе благодаря слѣдующимъ свидѣтельствамъ. Во-первыхъ, риторъ Лонгинъ (а не Апсинъ, какъ утверждаютъ всѣ издатели, очевидно списывая другъ съ друга) въ своей риторикѣ (I, 2 изд. Spengel-Hammar), говоря о средствахъ возбужденія жалости, совѣтуетъ слѣдующее: „если убитый погибъ насильственной смертью, то можно возбуждать жалость, перечисляя раны, разсказывая способъ убийства. Такимъ-то образомъ Европидъ возбуждаетъ жалость о Пеное: его мать беретъ въ руки каждую часть его тѣла и каждую оплакиваетъ“.—Во-вторыхъ, намъ сохранены въ цитатахъ отрывки изъ этого плача Агавы; изъ нихъ главный тотъ, который приводить сколасть на Аристоф. Плут. 907:

Когда бы въ руки не свою я скверну
Взяла...

Наконецъ, авторъ безыменной византійской драмы „Страсти Христовы“, составившій ее съ благочестивой цѣлью изъ мелкихъ клочковъ языческихъ трагедій, имѣлъ передъ собою еще цѣльный экземпляръ „Вакханокъ“ и для своего плача Богородицы воспользовался рядомъ стиховъ изъ плача Агавы, которые и удалось извлечь изъ его центона; это слѣдующіе:

1311	Тебя я мертваго въ рукахъ держу!
О, какъ могла бы бережно, мой милый,
Къ груди своей тебя прижать, оплакать...
1256	Какъ приласкатъ растерзанные члены,
Облобызать мной вскормленную плоть?
1466	Дай, старче, голову несчастной жертвы
Приладимъ къ тѣлу и, насколько можемъ,
Его останки возсоединимъ.
О милый ликъ, ланиты молодыя...
Нѣть, нѣть, покровомъ осѣнимъ главу!
1122	О образъ окровавленный, о члены
Изборожденные...
Какимъ мнѣ саваномъ тебя покрыть?
Чьи руки вѣрныя тебя омоютъ?

Для рѣчи Диониса, слѣдовавшей за плачемъ Агавы, тоже можно извлечь нѣсколько стиховъ изъ той же византійской трагедіи. Во-первыхъ, обѣ участіи Пеноея:

- 1664 Дерзнулъ въ оковы бoga заковать
И поносить кощунственnoю рѣчью.
1663 За это смерть онъ претерпѣлъ отъ тѣхъ,
Кому онъ былъ дороже всѣхъ на свѣтѣ.
1667 И жертвой палъ онъ справедливой кары.

Затѣмъ обѣ участіи Агавы и ея сестеръ:

- 1674 Въ возмездіе за пролитую кровь
Оставьте городъ этотъ: благочестье
Не дозволяетъ жить убийцѣ рядомъ
Съ могилою убитаго.

Наконецъ, обѣ участіи Кадма:

- 1689 Твою-жъ судьбу повѣдаю тебѣ

—послѣ чего скоро слѣдовалъ ст. 1330 сл. нашей трагедіи.

Ст. 1330 сл. Послѣднія испытанія и метаморфоза Кадма не связаны съ трагедіей и возникли какъ самостоятельный миѳ. Культь Кадма существовалъ также въ Иалиріи; здѣсь онъ почитался какъ герой-родоначальникъ дикаго племени энхелейцевъ и представлялся, какъ вообще герой-родоначальники (Кекронъ и др.), въ образѣ змѣя. Отсюда возникло преданіе, что онъ, оставивъ на старости лѣтъ Фивы, отправился въ Иалирію и былъ тамъ превращенъ въ змѣя. Но по еиванскому преданію Кадмъ послѣ смерти былъ перенесенъ на острова блаженныхъ, какъ зять бога Ареса; эти два преданія Европидъ здѣсь соединилъ. Соединительнымъ звеномъ послужило ему предсказаніе, данное нѣкогда энхелейцамъ, о которомъ говоритъ Геродотъ IX 42 сл. Исторія сохранила преданіе обѣ ихъ опустошительномъ походѣ въ Эладу; по этому поводу оракуль имъ предсказалъ, что имъ суждено побѣждать до тѣхъ поръ, пока они не разграбятъ дельфійскаго храма, но что послѣ этого имъ придется погибнуть.

Ст. 1372 сл. Здѣсь опять пробѣль, но сохранившіяся слова „Аристеева сына“ указываютъ ясно на смыслъ пропущеннаго.

Заключеніе. Отсутствіе въ античныхъ рукописяхъ сценическихъ ремарокъ ставить настѣнко затруднительное положеніе вездѣ тамъ, гдѣ на первый планъ выступаетъ пантомима. Допущенный мною исходъ, разумѣется, не можетъ быть строго доказанъ; но въ его пользу говорятъ слѣдующія соображенія.

1) Психологически невозможно, чтобы Агава ушла со сцены въ убранствѣ вакханки, которое ее погубило; а если она его бросила, то самымъ подходящимъ мѣстомъ для этого были ст. 1383—87. Такъ и въ „Агамемнонѣ“ Эсхила—Кассандра, прежде чѣмъ встрѣтить смерть, сбрасывается съ себя передъ статуей Аполлона символы пророчицы, ст. 1264: „къ чему я, точно на посмѣшище, храню эти знаки, посохъ и пророческія тесьмы вокругъ головы? Вѣсѣ-то я погублю раньше собственной своей гибели. Прочь, сгиньте вы — и я скоро за вами послѣду; другого вмѣсто меня

IV. ГЕКУБА.

награждайте горемъ! — при чмъ я обращаю особое внимание на сходство этого послѣдняго стиха съ послѣдними словами Агавы.

2) А если это такъ, то спрашивается, какъ богъ отвѣтилъ на это новое оскорблѣніе. И этотъ вопросъ идетъ навстрѣчу другому: какъ вообще могла Агава продолжать жизнь послѣ того, что она испытала?

3) Наконецъ, мигъ думается, что поэтъ и другимъ путемъ наводить насть на этотъ самый исходъ. Дѣйствительно, по обычному, независимому отъ Евріпіда мнѣю Агава вмѣстѣ съ Кадмомъ отправляется въ изгнаніе. Здѣсь, напротивъ, Кадмъ уходитъ одинъ; къ чему это уклоненіе и обособленіе Агавы? Мое предположеніе даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

А впрочемъ, за несомнѣнное я его не выдаю. Но и никакое другое построеніе заключенія не можетъ быть выдано за несомнѣнное; а что мое имѣеть, по крайней мѣрѣ, преимущество красоты — въ этомъ читатель, надѣюсь, согласится.

IV. ГЕКУБА.

Измѣненія допущены въ слѣдующихъ стихахъ: 13—15; 32; 51; 53—58; 72; 87—89; 92; 106; 144; 238; 246; 249; 252—55; 258—61; 269—70; 277—78; 286—88; 293—94; 296; 302; 306—10; 320; 324; 326—31; 345—47; 351—52; 354; 357; 359; 362; 375—78; 394—95; 398—401; 413—14; 423—25; 429; 436—37; 441—43; 449; 458—61; 501; 510; 514; 517; 539; 545; 560; 566—67; 611—16; 626—28; 644—49; 661—64; 667—69; 674; 676—77; 682; 686—87; 689—92; 705—06; 731; 745—46; 756; 758—61; 764; 771; 778—82; 785—86; 789; 795—801; 805; 808—11; 814—21; 828—32; 846—49; 852—55; 857—58; 866—67; 870—73; 884; 935; 945; 950—52; 960; 990; 998; 1004; 1008—09; 1017; 1021—22; 1040—41; 1044; 1047—48; 1054—55; 1114; 1158; 1160—62; 1171; 1173; 1176—84; 1189—93; 1208—09; 1212; 1214—16; 1220; 1229; 1237—39; 1250—51; 1259; 1261—63; 1265; 1270—74; 1277; 1279; 1281.

Ст. 37 сл. Какъ могъ Ахилль, хотя бы и пріобщенный къ лицу „героевъ“, остановить вѣтры Геллеспонта? Очевидно, мы имѣемъ здѣсь уже представление объ Ахилль-Понтархѣ (см. къ Андр. 1259), владыкѣ моря, каковымъ его знали греческіе колонисты, м. пр., въ Ольвіи. Яснѣе это выразилъ Сенека въ своихъ „Троянкахъ“: ст. 176 *et pontus sicut adesse Achillen sensit ac stravit vada.*

Ст. 68 сл. Въ чмъ состоялъ сонъ Гекубы? На этотъ вопросъ мы не получаемъ опредѣленного отвѣта. Поскольку онъ касался Поликсены, дѣло ясно: сюда относится видѣніе лани, о которомъ говорится ст. 90 сл. Но поскольку онъ касался Полидора, мы теряемся въ догадкахъ. Изъ словъ самого Полидора можно бы заключить, что онъ явился матери и рассказала про свою участь — и что Гекуба, значитъ, видѣла два различныхъ сына. Но противъ этого говорить слѣдующее: 1) Гибель Полидора, какъ видимъ, что въ слѣдующихъ сценахъ она, вся занятая Поликсеной, совсѣмъ забываетъ о Полидорѣ. 2) Изъ ст. 429 видно, что Гекуба только

боятся за Полидора, но еще не считает его погибшимъ. Но, съ другой стороны, она при видѣ трупа сына ст. 702 сл. вспоминаетъ свой сонъ о немъ, тогдѣ „чернокрылый призракъ“, который ей о немъ привидѣлся, и, на основаніи сна* (ст. 709) объявляетъ, что онъ палъ жертвой предательства ея еракийскаго кунака.—Здѣсь неразрѣшимое противорѣчіе. Въ трагедіи-предшественницѣ все было ясно: душа Полидора являлась Гекубѣ; проснувшись, она была увѣрена въ его гибели и стала готовить дѣло мести. Такъ какъ эпизодъ съ Поликсеной здѣсь отсутствовалъ, то все разнѣвалось послѣдовательно. Евріпидъ вставилъ между сномъ Гекубы и ея местью весь эпизодъ съ Поликсеной; ему пришлось поэтому не только удвоить сонъ, но и затмить тогдѣ, который относился къ Полидору.

Ст. 87 сл. Изъ обоихъ вѣщихъ дѣтей Гекубы сынъ Еленъ былъ пѣнникомъ Неоптолема; объ его дальнѣйшей участіи см. выше стр. 110. Касандра была пѣнницей-любовницей Агамемнона; см. ст. 826 сл.

Ст. 123 сл. Объ „вѣтви на дреѣ Аѣины“—это оба молодыхъ аѳинскихъ царя, Акамантъ и Демофонтъ, сыновья Фесея и Федры. Они поддерживаютъ жестокое требованіе Ахилла; почему? Не нахожу другого объясненія, кромѣ ссылки на „Скиросцевъ“ Софокла. Тамъ они вмѣстѣ съ Фениксомъ отправляются за Неоптолемомъ на Скиросъ (см. Софокль III 300); понятно, что это ихъ сблизило, и они теперь на его сторонѣ. Конечно, Евріпидъ не имѣлъ особаго повода слѣдоватъ миѳопеѣ „Скиросцевъ“, отъ которыхъ его отдѣляло около сорока лѣтъ; но вполнѣ правдоподобно, что онъ эту подробность заимствовалъ изъ „Поликсены“ Софокла, трагедіи, близкой по времени къ „Скиросцамъ“.

Ст. 160 сл. Эти стихи явно пародируются Аристофаномъ въ „Облачахъ“ ст. 708 сл. такъ же, какъ ст. 171 сл. въ ст. 1165 сл.; такъ какъ эта комедія была поставлена въ 423 г., то для „Гекубы“ получается время постановки раньше этого года. О *terminus post quem* см. къ ст. 444—83.

Ст. 239 сл. Сцена изъ трагедіи Софокла „Нищенство“ (см. о ней Софокль III 313 сл.). Уже по Гомеру (Од. IV 242 сл.) Одиссей, надѣвъ ложмотыя раба и обезобразивъ себя побоями, отправляется въ Трою на разведки; тамъ его узнаетъ Елена, но хранить тайну про себя, такъ какъ ей и самой уже хочется вернуться на родину.

Ст. 254 сл. Это— явный выпадъ Евріпida противъ демагоговъ его времени.

Ст. 291 сл. Это гуманное правило имѣло своимъ религіознымъ основаніемъ ученіе обѣ Эриніи, какъ истительницѣ за пролитую кровь. Впрочемъ, неясно, говорить ли здѣсь Евріпидъ только объ одинаковой судимости или же и объ одинаковой наказуемости того и другого преступленія. Въ Аѳинахъ судимость была одинакова, но въ отношеніи наказуемости дѣлали разницу между гражданиномъ, поселенцемъ, чужимъ и своимъ рабомъ; см. Lipsius, Attisches Recht 605.

Ст. 342 сл. Одно изъ многихъ мѣсть, свидѣтельствующихъ о самодовѣющей силѣ обряда—въ данномъ случаѣ „гикесіи“. Такъ иногда и

IV. ГЕКУБА.

святыни, пользующиеся правомъ убѣжища (*asylon*), окружали изгородью, чтобы ищущіе убѣжища не могли къ нимъ проникнуть.

Ст. 426. Въ подлинникѣ горькая игра словъ, основанная на первоначальномъ значеніи греческаго прощального привѣта *chaire*—“радуйся”. Поликсена говоритъ: „Радуйся (т.-е. „прости“), родная, радуйся („прости“), моя Касандра!“ Гекуба отвѣчаетъ: „Радуются другіе, а матери твоей это не дано“.

Ст. 444—483. Здѣсь, по правильному замѣчанію Вейля, противорѣчіе со ст. 100: плѣнницы поютъ въ предположеніи, что ихъ участъ еще не рѣшена, между тѣмъ какъ тамъ было сказано, что жеребьевка уже состоялась и каждая уже присуждена своему хозяину. Сама тема хорической пѣсни—“куда меня поведутъ?”—повторяется въ „Троянкахъ“ ст. 197 сл. Здѣсь названы, какъ возможныя страны, 1) „дорическій“ (по обычному въ трагедіи анахронизму) Пелопоннесъ—родина Атридовъ; 2) Фессалійская Фтія на Апиданѣ—родина Ахилла и, слѣдовательно, Неоптолема; 3) островъ Делосъ, гдѣ Латона у „перворожденной пальмы“ родила Аполлона и Артемиду, каковое событие ежегодно воспѣвается „деліадами“, т.-е. делосскими девушки—священнослужительницами; 4) Аеины—родина обоихъ Фесидовъ (выше къ ст. 123 сл.), гдѣ въ праздникъ Панаѣинѣ аеинскія женщины подносятъ богинѣ вышитый ими пеплосъ, при чемъ обязательной темой изображеній была сама Паллада, всходящая на колесницу, и ея участіе въ борьбѣ боговъ съ гигантами.—Упоминаніе Пелопоннеса, Фтіи и Аеинъ вполнѣ естественно, но упоминаніе Делоса грѣшило натяжкой—ни одинъ изъ ахейскихъ витязей не былъ оттуда родомъ. Очень правдоподобно поэтому предположеніе Маттіэ, что эта строфа о деліадахъ навѣяна реформой делосскаго культа, проведенной Аеинами въ 425 г., и что, слѣдовательно, „Гекуба“ поставлена послѣ этого года.

Ст. 569. „Отнеслась съ большой заботливостью къ тому, чтобы пристойно упасть“—зnamенитый стихъ, не разъ цитируемый.

Ст. 592. Великая проблема наслѣдственности или научимости добродѣтели, много волновавшая Еврипида. Здѣсь онъ рѣшаетъ ее въ смыслѣ строгой наслѣдственности.

Ст. 755. Агамемнонъ хочетъ сказать, что старая и слабая Гекуба какъ раба не представляетъ большой цѣнности, и освободить ее—дѣло не-трудное. Только что станетъ она дѣлать со своей свободой?

Ст. 756 сл. Гекуба сказала: „Свободы мнѣ не надо; я согласна быть рабой весь вѣкъ, лишь бы мнѣ наказать злодѣевъ“. Агамемнонъ естественно относить слова „злодѣевъ“ къ убийцамъ Поликсены и строго спрашиваетъ: „и въ такомъ-то дѣлѣ ты ждешь помоши отъ меня?“ Гекуба его успокаиваетъ: „Моя мысль—не та, о которой думаешь ты“. При этомъ толкованіи можно удержать рукописный порядокъ репликъ.

Ст. 764. Опять Гекуба успокаиваетъ Агамемнона: „Этотъ мой сынъ—не изъ тѣхъ, которые сражались съ тобой“.

Ст. 800. Опять знаменитый стихъ, возбудившій немало пререканій среди ученыхъ (см. объ этомъ Nestle, Euripides, der Dichter der griechischen

Aufklärung 418 сл.). По-моему, дѣло объясняется синтетическимъ значеніемъ греческаго слова *nomos*—„законъ“, а также и „вѣра“ (въ боговъ)—при государственномъ характерѣ греческой религіи синтезъ понятій.

Ст. 816. Тоже знаменитый стихъ (по-гречески царицей людей названа *Peitho*, собств. „Убѣда“). Тогда обученіе риторикѣ было еще новинкой въ Аѳинахъ; впервые ввелъ его Фрасимахъ халкедонскій, и незадолго до „Гекубы“ молодой Аристофанъ въ своей первой комедіи „Сотрапезники“, поставленной въ 427 г., осмѣялъ это новшество.

Ст. 859. Хотя Murray и удерживаетъ рукописное чтеніе *εἰ δὲ σοὶ ψῆφος,* все же я думаю, что И. О. правильно принялъ конъєктуру Эльмсли *τι δῆμοι φ.*

Ст. 886 сл. Намекъ на дѣянія 1) Данайдъ, которая, по принужденію выданныя за своихъ двоюродныхъ братьевъ, сыновей Египта, по общему сговору зарѣзали ихъ въ брачную ночь (содержаніе Эсхиловой трилогіи „Данаиды“); 2) лемніянокъ, которая изъ ревности умертвили своихъ мужей и затѣмъ основали на Лемносѣ амазонское царство („Лемносское преступленіе“—содержаніе Эсхиловой трилогіи „Аргонавты“).

Ст. 1008. Храмъ Аѳины въ Иліонѣ упоминается уже Гомеромъ; его жрицей была Феанѣ, и туда въ VI п. Иліады Гекуба снаряжаетъ умилостивительную процессію женщинъ.

Ст. 1067 сл. Соотношеніе между испускающимъ свѣтъ солнцемъ и воспринимающимъ его глазомъ у древнихъ нерѣдко понимается какъ родство, что повело къ такимъ метафорамъ, какъ „солнце—око неба“ и т. п. Отсюда дальнѣйшее мнѣніе, что богъ-Солнце исцѣляетъ слѣпоту: ослѣпленный Оріонъ отправляется къ Гелію и благодаря ему вновь становится зрячимъ (драма Софокла „Кедаліонъ“, см. Софоклъ III 393).

Ст. 1109 сл. Агамемнонъ хочетъ сказать, что горное эхо не осталось спокойнымъ, но, отражая крикъ Полиместора, усилило его.

Ст. 1185 сл. Можно сказать, что хоръ защищается довольно слабо; но это Евріпидъ такъ устроено нарочно. Ср. Андр. 954 сл. и комм.

Ст. 1187. Одна изъ любимыхъ темъ Евріпida; ср. Вакх. 266 сл.

Ст. 1202. Согласно драмѣ-предшественницѣ, повліявшей на оригиналъ Пакувіевої „Иліонѣ“, Агамемнонъ дѣйствительно обѣщаетъ Полиместору свою дочь Электру въ жены за убийство Полидора.

Ст. 1267. О вѣщей силѣ (ѳракійскаго) Діониса см. Вакх. 298 и комм.

Ст. 1275 сл. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что въ изображеніи торой Клитемнестра убила его въ ваннѣ, набросивъ на него плащъ, изъ (въ „Электрѣ“), по которой онъ былъ убитъ за столомъ.